

Первый опыт кредитного дела на территории России (Боспорское царство)

А. Г. Аодеев,

канд. исторических наук

Боспорское царство (его территория теперь входит в состав Украины и России) было одним из наиболее значительных античных государств Причерноморья, в которых активно развивалась торговля и связанные с ней товарно-денежные отношения.

Европейская часть Боспора находилась на Керченском, а азиатская – на Таманском полуостровах, т. е. на той части обширной территории, которая до 1917 г. именовалась Южной Россией. Государство имело две столицы. Европейской столицей был Пангикалей (современная Керчь), а азиатской – Фанагория (станция Сентная). К середине IV в. до Р. X. (Рождества Христова) западными границами Боспорского государства были предгорья Крымских гор в районе Судака, а на востоке оно простиралось до Кавказских гор.

Греки считали земли Боспора, расположенные на границе греческого и варварского миров, необычайно плодородными. «Эта страна, – писал великий географ античности Страбон, – представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом: земля вспаханная как попола любым пахарем, даст урожай сам тридцать». Отсюда, по словам историка Полибия, вывозили «скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши... в изобилии мед, воск и соленую рыбу». Соленая рыба и хлеб были главными статьями боспорского экспорта. Недаром на золотых монетах Пангикалея, чеканенных в IV в. до Р. X., изображение колоса соседствовало с изображением осетра.

В IV в. до Р. X. почти каждый греческий полис чеканил монету, на которую заезжие купцы обменивали свои деньги по определенному курсу. Его составляющих мы не знаем, но, очевидно, важную роль здесь играли вес монеты, содержание в ней серебра или золота и многие другие факторы, позволяющие предполагать, что обменный курс складывался под влиянием торговых операций. Свообразными обменными пунктами античной эпохи были столицы мензл, называвшиеся «трапезами» (по-гречески – стол). Это были прообразы современных банков. Их владельцы – «трапезиты» обменивали любую монету по курсу, взимая в качестве вознаграждения процент от суммы обмена.

Трапезы существовали и на Боспоре. Причем их владельцами были не только местные уроженцы, о роди которых в торговых операциях мы можем

лишь догадываться. Купцы, отправлявшиеся из Афин в Пангикалей, часто не желали рисковать крупными суммами денег во время плавания, ведь корабль мог легко погибнуть во время бури или сделаться добычей пиратов. Поэтому торговцы все чаще использовали операции с безличными средствами. Имеющиеся на руках деньги славались трапезитам в Афинах, а взамен выдавались расписки, которые предъявлялись в Пангикалее полномочному представителю трапезы, и тот выдавал эквивалентную сумму уже в боспорской монете. Распространилась и практика перевода средств со счета одного клиента на счет другого.

Одна из крупнейших трапез в Афинах принадлежала вольноотпущеннику (бывшему рабу) Пасиону, который вел торговые операции как с афинскими, так и с боспорскими купцами. Греки считали его состояние баснословным. И действительно, это был один из богатейших афинян. После смерти Пасиона актив его трапезы (по терминологии греков – серебро) оценивался в 50 талантов, из них 20 талантов были розданы разным лицам в долг под залог недвижимости. Хранились у Пасиона и общественные (полисные) деньги. Частных вкладов (греки называли их деньгами, находившимися в работе) в трапезе Пасиона было на 11 талантов. В отличие от наших дней доход за их хранение получал не владелец денег, а хозяин трапезы. Все дело в том, что греки различали два вида имущества: видимое, или недвижимость, которая находилась на виду у всех, и невидимое, т. е. деньги. О них никому, кроме хозяина, знать не полагалось, поскольку полис постоянно вмешивался в отношения собственности – имущество отдельных граждан находилось под пристальным контролем всего коллектива, и наиболее состоятельные из них обязаны были делиться частью доходов с городом. Поэтому процент, который получал хозяин трапезы с вклада вкладчика, был своего рода наградой за молчание. Все эти виды операций в трапезе, в отличие от современных банков, были основаны на доверии и не требовали составления каких-либо документов.

Размах торговых операций трапезы Пасиона был столь велик, что представителей ее владельца можно было встретить во многих греческих городах, где Пасион имел собственных гостеприимцев. Филиал этой трапезы был открыт и в Пангикалее, однако расцвет его деятельности пришелся на время после смерти Пасиона в 371 г. до Р. X. Хочется

особо подчеркнуть, что это первый известный из исторических источников банк на территории Южной России, к услугам которого прибегал даже владыка Боспора Сатир. Его ежегодный доход оценивался в 100 мин (около 80 кг) серебра. Для сравнения: мастерская по производству шитов, принадлежавшая Пасиону, приносила годовой доход в 100 раз меньше.

Впрочем, огромное состояние не мешало афинцам смотреть на Пасиона с презрением. Финансовые махинации как форма получения дохода претитла гражданам. Они считались уделом вольноотпущенников, искренне презираемых за то, что они, бывшие рабы, иногда — в силу отсутствия права на владение землей — не могли получить статус гражданина. Вот почему Пасиона все ненавидели и изначально (как ивранский раб) он считался нечестным на руку. Любопытно, что один из его сыновей предпочел унаследовать принадлежавшую отцу мастерскую шитов, приносящую меньший, но стабильный доход. Другой сын унаследовал трапезу, которую до его совершеннолетия отец передал в аренду своему бывшему рабу Формиону. В свою очередь, последний развернул дело на Боспоре в еще больших масштабах. Формион уже имел собственные корабли и непосредственно участвовал в морской торговле.

Впрочем, рабы и вольноотпущенники, не «отпущенные» психологией гражданина, оказывались наиболее предприимчивыми людьми, от природы способными к финансовым аферам. Вот почему среди сотрудников трапезы Пасиона мы видим именно эту категорию населения Афин. Главной наградой рабу, трудившемуся в трапезе, была свобода. Но и после ее получения он продолжал оставаться правой рукой хозяина.

Многочисленность денежно-весовых систем и разнообразие монет, а также большой объем межполисных торговых операций породили необходимость в интерполюционной монете, т. е. такой, которая являлась бы своего рода международным платежным средством при крупных торговых операциях. В IV в. до Р. X. функции такой монеты взяли на себя кизикины — статеры, чеканившиеся из золота (сплав золота и серебра) в малоазийском полисе Кизик. Эти монеты обладали большой ценностью. По мнению греков, силан, использовавшийся для чеканки кизикинов, состоял из двух частей золота и одной серебра. Соотношение же золота к серебру в это время составляло 1:10. Один кизикейский статер таким образом приравнивался к золотому дарнику (монете Персии) и служил месячной платой племенному воину. Средний курс обмена кизикинов на афинские серебряные драхмы составлял 20 - 25 драхм за один кизикин. На Боспоре этот курс был весьма высоким: за один кизикин здесь давали 28 афинских драхм, обменные же операции осуществлялись в трапезах. Обращение кизикинов на Боспоре надежно засвидетельствовано и археологическими находками. Спекуляции на разнице курса монеты были обычным явлением в деятельности трапез.

Конечно, кизикины не являлись мировой валютой в современном понимании этого слова, ведь мирового рынка в античную эпоху просто не существовало. Товарно-денежные отношения с большим трудом (и далеко не полностью) охватывали клеточки того сложнейшего организма, который принято называть полисом. Вне сферы купли-продажи находился такой важнейший объект рыночных отношений, как земля, поскольку права собственности на землю совпадали с важнейшим в глазах грека правом полисного гражданства. Так что и обмен монет осуществлялся не на основе их реального рыночного курса, или реального содержания драгоценных металлов (при ручной технике чеканки имели место расхождения в весе и составе монетного металла), а на основе сложившихся в умах представлений о надежности самой монеты. Говоря иначе, интерполюционной монетой становилась монета того полиса, к которой у греков стихийно возникло доверие.

Надо сказать, что морская торговля в глазах афинян была делом чрезвычайно выгодным, ведь прибыль от одного рейса корабля с товаром на Боспор зачастую могла достигать 300%. Актиную роль в обеспечении морской торговли играли трапезы, к функциям которых еще добавились роль, как теперь принято говорить, кредитных учреждений и нотариальных контрол, где составлялись и хранились договоры о торговых сделках. Роль трапезитов в морской торговле была столь велика, что Демосфен даже отмечал, что «преусиления у занятых в торговле завистливых... от заимодавцев, и ни кораблю, ни корабельнику, ни плавателю невозможно было бы отправиться в путь, если бы была иная роль заимодавцев». Наиболее полно торговые-кредитные операции в Афинах и на Боспоре охарактеризованы в притисылаемой Демосфену XXXIV речи против афинского кушпа Формиона, сведениями из которой мы и пользуемся.

Любой человек, желая совершить торговую операцию, т. е. продать на Боспоре товар, пользующийся там спросом, и привести в Афины хлеб, мог обратиться за кредитом на покупку товара к трапезиту. При предоставлении кредита в присутствии 1 - 2 свидетелей в порту составлялся «обязательственный» договор, который хранился у трапезита. Это был единственный вид займа, который оформлялся письменным документом, поскольку риск кредитора был чрезвычайно велик — его деньги улетывали на корабле в чужую страну.

Купец, совершив плавание на Боспор и обратно, обязан был в двадцатидневный срок полностью рассчитываться с кредитором и уплатить ему проценты по кредиту, которые обычно были равны размеру аргентной платы с участка земли и составляли 1/6 часть предоставленной суммы. При этом в договоре оговаривался маршрут, которым пойдет судно, и, если он изменялся, процент мог быть увеличен до 1/3 суммы кредита. По договору кредитор обладал правом взыскивать долг, как в Афинах, так и через своих представителей на Боспоре.

Поскольку земля в Афинах не могла быть объектом купли-продажи, что существенно ограничивало деятельность трапез, их владельцы не имели права ссудить деньги под наиболее прочную гарантию и предоставляли кредит только под залог товара, который должен был быть закуплен в Афинах на сумму, указанную в договоре, или корабля. В случае неудачи купец обязан был уплатить неустойку в размере 200%, т. е. отдать кредитору деньги и весь товар или корабль. Купец освобождался от ответственности только в случае гибели судна в результате кораблекрушения или нападения пиратов. Не учитывались и те товары, которые с согласия всех плавящих на корабле были выброшены за борт, если судно грозила опасность.

Естественно, купцы не были настолько наивными, чтобы соблюдать условия договора педиком и полностью. Трапезит, предоставлявший кредит, подвергался не меньшему, если не большему риску, чем современный банк, обладающий более широкими возможностями для воздействия на неисполнителя должника.

Наиболее характерными злоупотреблениями купцов, получавших кредит, были следующие. Во-первых, это тайное получение большего кредита под залог уже полученного у других трапезитов. Так, Формион, собираясь отправиться на Боспор, взял у трапезита Хрисиппа в долг 4 тыс. драм. Под залог этой суммы он получил у фригиянина Теодора 4,5 тыс. драм, а под залог этого кредита взял у корабельщика Ламинда еще 1000 драм. Вторым частым злоупотреблением купцов была покупка товаров на сумму меньшую, нежели предоставленный кредит. Тот же Формион, обладая солидной суммой денег, приобрел товар всего лишь на 5,5 тыс. драм. Следующим видом злоупотреблений было не оговоренное в договоре изменение маршрута судна. Обычно оно было связано с тем, что сегодня мы называем "прокручиванием денег". Афинский купец, пользуясь правом бесповоротного вывоза хлеба с Боспора, продавал его вовсе не в Афины, а в другие греческие полисы, закупал там необходимые товары, возвращался в Пантикапей и вновь повторял операцию. За одну навигацию ему удавалось совершить 2 – 3 таких поездки (благо срок, на который предоставлялся кредит, в договоре не оговаривался), поэтому он мог вернуться в Афины и без ущерба для себя расписаться с кредитором. Существовала в Афинах и так называемая гавань воров. Таможен здесь не было, и купцы, желавшие скрыть стоимость привезенных грузов, причаливали именно там. Если же fortuna от купца отверчалась (как в случае с Формионом, который, вследствие войны со скифами, начавшейся на Боспоре, не нашел сбыта своим товарам), то купец мог инициати-

ровать кораблекрушение, чтобы уйти от уплаты залога.

Находясь на Боспоре, Формион нагрузил судно, идущее в Афины, сверх меры, но сам на нем не поехал, а когда до него дошла весть о его крушении, стал уверять всех, что вместе с судном погибли и те деньги, которые он взял в долг у Хрисиппа. Однако трапезит имел возможность проконтролировать действия своего должника. Важнейшим документом для этого являлся записи сборщиков таможенных пошлин, которые велись как в Афинах, так и на Боспоре. В них фиксировалось кем, какой товар и на какую сумму был вывезен из того или иного порта. Уже один этот факт говорит о том, что в греческих портах в силу хорошо налаженных торговых контактов существовала единая практика контроля за передвижением грузов.

С целью контроля за должником трапезиты посылали в Пантикапей своих рабов – полномочных представителей, которые следили за соблюдением всех пунктов обязательных договоров, зачастую сопровождая груз, под который был дан кредит. Если выявленные ими записи сборщиков таможенных пошлин расходились с условиями договора, то трапезит имел право обжаловать действия своего должника. Вначале он обращался к третейскому судье, который разрабатывал рекомендации по решению спорных вопросов между кредитором и должником. Если решение третейского судьи не устраивало одну из сторон, дело передавалось в суд, где его и решали по всем правилам судопроизводства – с привлечением всех документов и опросом свидетелей. Основанием для отклонения иска была единственная причина – отсутствие записанного "обязательственного" договора. Причем, если на суде удавалось доказать присутствие махинации в торговле хлебом, т. е. попытку его на Боспоре, беспощадный вывоз и продажу в любом другом полисе, кроме Афин, купец нес весьма суровое наказание вплоть до конфискации имущества. Если же возникала иная ситуация, и владелец трапезы оказывался заподозренным в финансовых махинациях, он мог лично прибыть на Боспор, чтобы разрешить это дело. При этом в роли третейского судьи выступал властитель Боспора.

Итак, подведем итоги. Развитие средиземноморской и причерноморской торговли в IV в. до Р. Х. способствовало появлению банковского промысла в Греции, который распространился и на окраины античного мира. Пример Боспорского государства – красноречивое тому свидетельство. Именно в это время на территории Южной России закладывалась "банковская" система, развитие которой было прервано гибелью античного мира. ■